

32 года как один день. С "Мастером и Маргаритой" под ручку. Александр Градский ставит точку в своей опере, ставшей знаменитой еще до всяких премьер. Которых, вероятно, и не будет. Как и Булгаков, Градский писал "Мастера" всю жизнь. Понравится кому — не понравится, но он все делал честно. Рассказывать о музыке — дело пустое, но кое-как это сделать попытаемся...

— Александр Борисович, с чего же все началось?

— 32 года назад ко мне пришел поэт Павел Грушко и принес свою пьесу в стихах, написанную по мотивам "Мастера и Маргариты". При этом он навесил еще 8—9 композиторов — мол, кто скорее напишет. Теперь Грушко в Америке, я был у него, и мы подписали контракт, где он позволил мне использовать и его стихи даже без указания фамилии. Вот и вышло так, что только я подхожу к финишу, спустя все эти годы, с готовой оперой.

— Оперой? Вы так определяете ее жанр?

— Какой жанр — решить непросто. Да, наверное, "современная опера", то есть вещь многожанровая. В ней много музыкальных намеков и цитат из Чайковского, Дюнаевского, Верди, советской музыки середины XX века. То есть идет главная эмоциональная тема — она моя, оригинальная. А в подыгрыше используются эти самые намеки. В итоге — свыше двух часов музыки, цель которой — равно как и при чтении книги — возбудить фантазию слушателя, а кроме того — еще раз утвердить величие первоисточника.

Я СПРОШУ У ВОЛАНДА

Опера Градского завершена, но едва ли будет поставлена

— Итак, нам надо ждать премьеры?

— Отнюдь. Я не представляю себе, как опера может быть исполнена в концертном или театральном варианте. Это просто невозможно. Если только найдется сумасшедший миллионер, который потянет такой масштаб. Скоро начнется запись на диск, требующая сверхкачественного уровня исполнителей. И одно дело записать все звуки по частям, а потом на

компьютере смикшировать, но как живьем собрать в одном месте два полноценных оркестра (классической и народной музыки), хоровую капеллу, ансамбль имени Александрова, всевозможные электросоло из рок-музыки (гитара, синтезаторы...), солирующих певцов? Ну что вы! А этот ансамбль Александрова, может, и нужен-то всего на два куплета, не больше...

— А не пойдете на то, чтобы ради концерта сделать некую light-версию?

— Никогда! Ни одной ноты не изменю, ни одного кусочка! Будет только один вариант. Те наработки в записях, которые уже есть, я иногда проигрываю друзьям — и уже сейчас достигается изобразительный эффект. У каждого слушателя появляется ощущение "своего Булгакова", ведь для меня роман — это эмоциональный повод понять, кто я такой, кто я как художник. Булгаков до последних часов своей жизни пытался что-то исправить или добавить в "Мастера", никак не мог остановиться...

— А кто писал либретто?

— Я, но по нескольким источникам: это и стихи Грушко (ряд удачных отрывков и красивых образов), и мои стихи, авторский текст несколько раз произносимый под музыку... По сути, сюжет мой, но, разумеется, по роману.

— Не боитесь, что в дело может вмешаться наследник авторских прав Булгакова г-н Шиловский, который ревностно оберегает текст от посягательства на театральные подмостки и в кино?

— Думаю, он мне только большое спасибо скажет. У музыки есть замечательная возможность, удаляясь от романа, приближаться к нему. В энергетическом смысле...

— Да? Но у него был ряд претензий к киноверсиям Кары и Бортко.

— Будь я наследником, то эти фильмы вообще закрыл. Нет, со мной, в отличие от иных "творцов", никакой чертовщины не происходит, и мне кажется, что Михаил Афанасьевич одобряет мою работу с того света. Я уже 30 лет живу с романом — и 30 лет не рещался записывать найденные музыкальные темы. И только сейчас путем внутренних борений решил это сделать. А эти господа... "Давай возьмем 1,5 миллиона долларов и сварганим!" Вот это слово "сварганим" и является определяющим.

— Бортко вроде боролся за "чистоту текста".

— Да о чем вы говорите! Эти фильмы — это просто плохо и неталантливо во всех смыслах, они взялись за непосильную задачу.

— У вас название останется то же?

— Думаю, да. Сложно придумать что-то с более четким наполнением. Ну, может, напишу "по мотивам". Это ли главное? Моя опера — не о Мастере и Маргарите, а о художнике, который представляет себя в своем же творчестве, являясь поочередно и Воландом, и Иешуа, и Мастером...

— Все три партии исполните вы сами?

— Да, если не найду лучших исполнителей. А партии чрезвычайно сложны.

— А роль Иуды?

— Иуды нет как такового. О нем говорится, но он ничего не поет. Вторая же главная идея вложена в уста Воланда: для того, чтобы оценить величие света, надо увидеть тень. Помните: "Вот тень от моей шпаги..."?

— Если вещь не будет поставлена, вы вряд ли обретете коммерческий успех...

— О чем вы говорите! Затрат материальных нынче — невпроворот, это чистой воды финансовый убыток, и никогда, допустим, распространяя диск, даже "в ноль" не удастся выйти. Но все равно издавать диск я буду на свои деньги. А все солисты работают у меня бесплатно. Такое вот у меня к ним условие! Единственное — оркестранты ни в чем не виноваты, и им мы заплатим.

Ян СМЕРНИЦКИЙ.

моск. комсомолец - 2006 - 18 авг. - с. 14